

Унесса Рэй Индиго

Ангел
Маргариты

Инесса Индиго
Ангел Маргариты

«Издательские решения»

Индиго И. Р.

Ангел Маргариты / И. Р. Индиго — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506656-5

Говорят, когда происходит трагическое потрясение, жизнь человека проносится перед глазами или делится на «до» и «после», словно главы начертанного свыше романа. Так действительно бывает при падении с девятого этажа, после которого нужно жить заново. Как пролетала перед глазами непростая судьба главной героини и её матери, рассказано в этой драматической повести о смерти и воскрешении. Автобиографичная книга посвящается ушедшей из жизни маме автора, ставшей её ангелом-хранителем в день гибели.

ISBN 978-5-00-506656-5

© Индиго И. Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Выход	6
Глава 2. Новое рождение	11
Глава 3. Запретный плод	21
Глава 4. Разлука	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ангел Маргариты

Инеcса Рэй Индиго

© Инеcса Рэй Индиго, 2019

ISBN 978-5-0050-6656-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Выход

Рассвет 17 мая 2018 года

Для меня время остановилось. Всё. Я лежу на маминой груди. В ней больше нет тепла и биения жизни, но я всё это чувствую. Я буду чувствовать это всегда. Ведь я не продолжение, а неотъемлемая часть. Живущим лишь телами не понять. Они рассекали чужие родные души и судьбы так долго, травили всеми возможными способами, а сейчас с нескрываемой радостью констатировали смерть и пошли прочь. Их коллеги, извозчики Харона, как водится в России, не спешат на вызов в одну из питерских квартир и дают скорбящим последнюю поблажку.

В голове всё гудит и плывёт, глаза плотно закрыты. Не могу выпустить мамину холодную руку. Наверно так ощущает себя один раненый зверь, сторожа бездыханное тело второго, своего дорогого близкого. Я много раз видела эти душераздирающие записи в интернете. Последний месяц неравной борьбы со смертью и фашистской сектой, поставившей на недобитых жертвах крест, были как в бреду невыносимо тяжкими. Тонны лекарств и снотворное, чтобы мама не слышала ремонтную истерию психов за стенами, а сама дремала рядом и всё прислушивалась к дыханию в страхе. Только сейчас последние часы около мамы я чувствую, как ей стало легко. Витая над нами её душа размышляет, сколько было отмерено Богом и сколько её лет отсекли фанатичные злыдни, решившие, что у потенциально подопытных не должно быть любящей матери. Как никогда не было у них.

– Доченька... Не плачь... Храни вас Господь Бог. – незримо шепчет свободная душа, больше не разрывающаяся от ежедневной боли и обиды за всеобщую слабость и трусость перед преступной системой.

Только мне не стало легче, время оглушительно простояло на месте первый час и вдруг покатило назад в воспоминания.

– Девочка моя, – прорвался папин голос из давящей толщи небытия, – Пойдём на кухню. Кофе хочешь?

А я не могу вырваться, не могу продолжать этот как на зло солнечный день, как всегда, как малодушные предатели, разбежавшиеся на заработки денег.

– Слышишь меня? Сейчас уже придут. Пойди водички попей. – неуверенно продолжил отец, всё это время обзванивавший соответствующие городские службы и своё начальство, чтобы вошли в положение на сегодняшний трагичный день. Знаю, он не предал, как другие, но не решается вернуться к нам в комнату, где бились последние секунды любви, где мама, задыхавшаяся от острой сердечной недостаточности в моих руках, теперь глядит в пустоту лазурными глазами.

– Ничего больше не надо...

– А?

– Я останусь. – грубо отвечаю я каким-то чужим голосом, как спросонья, и продолжаю бессмысленно согревать самого любимого человека, давшего мне эту жизнь и самое счастливое беззаботное детство на фоне семейных бед и государственных кризисов.

Там в прошлом хочется, отложив на память лучшие волшебные моменты, в первую очередь откопать корень зла. Почему посторонние нам фанатики так радовались тяжелой болезни, обломам, долгам и ранам? Почему так преданно уничтожали нас эти психопаты, под которыми спецслужбы всего города и не только? Что им сделала мама, я? Откуда столько слепой дикой ненависти к матерям, их детям, женскому началу, к порядочности и наивной доброте? Зачем кто-то выращивал и возносил чудовищ, идущих по людским трупам к трону с баблом, смеющихся над мучительной смертью чужой матери со святым сердцем?

В голове вдруг выстрелом гроыхнула входная дверь – пришли могильщики, навсегда выносящие тела умерших из дома. Это всё. Последние мгновения и ледяной панический страх перед расставанием и предстоящей пропастью прошиб моё тело. Не помня себя, поспешила прочь из комнаты.

Свежий и согретый ясным солнцем воздух приводит в себя лучше нашатыря. Сижу на залитом светом полу на балконе, а за спиной орудуют люди, из которых можно делать гвозди для забивания в гроб. Не слышу ничего, шум моря усилился в ушах, боль стиснутых рыданий в груди и головокружение. Когда абсолютно все ушли, я уверенно встаю, но всё плывёт перед глазами. Крепко сжимаю мамин синий амулет, что я дарила и наивно заряжала. Он был зачем-то снят с мамочки железными дровосеками вместе с её православным крестиком. Слуги Харона хлопнули дверью и мой подавленный отец отправился бегать по больницам, моргам, крематориям и прочим инстанциям, чтобы собрать нужные гербовые бумажки, без которых у нас в стране нельзя сдохнуть официально.

Будний солнечный день, на календаре 17 мая – день смерти мамы, совпал с церковным праздником Вознесения. По-прежнему не верится. Трезвое осознание себя и реальности будто отключилось. Почему-то мы с мамой думали, что это случится под покровом ночи и после не будет ничего: ни боли, ни слёз, ни жестоко злорадствующих свидетелей, ни падальщиков над трупами. Словно просто фильм закончится и погаснет картинка с нами, не оставив от нас ненужных миру следов. Я считала, что таким святым мученикам, какой сделала мою маму жизнь, ангелы должны даровать гуманную смерть во сне. Но нет. Никогда не забуду этих жутких минут маминых последних мук у меня на руках и истеричных звонков в Скорую помощь. С малодушным невмешательством защитников и врачей-реаниматологов, во мне угасла последняя надежда, что когда-нибудь кто-то неравнодушный разберётся по факту смертей, организованных сектантским преступником по кличке «Том-гном» с его верной сектой, что распорядился сегодняшними издевками из логова в соседней новостройки.

Оставив тягучие мысли, я решаю зайти с балкона обратно в комнату, но увидев смятую пустую кровать и тот ковёр, на котором татарский реаниматолог Ренат усмехался над обнажённым истощённым телом мамы и ругал меня за эгоистичное нежелание дать измученной болезнью маме умереть, меня вновь сильно качает. Равновесие потеряно и меня бросает в самый проём распахнутого окна, где за реющими на ветру шторами мелькает наш кот. Чуть липкие похолодевшие ладони, уцепившись за створки окна, скользят и слабнут.

Город внизу роится утренней суетой, как улей. Но всё логово по соседству с загадочным названием «Доктор-лазер» в этот исторический момент следит за чужими окнами, затаив дыхание.

– Гляньте, там ваша дура в окне! Шмякнется! Снимай!!!

– Где?! А! Точно!

– Ни фиги себе! Ща камеру включу!

– Ого! Неужели всё, как ты говорил?! – обратился услужливый козлетон к своему короткономому лазерному наполеону.

– Ага, щас. – с томным презрением промямлил тот, кто не имел ни своего имени, ни рода, ни грамма души и жизни в своём мертвенном лабораторном нутре, лишь сменяющиеся клички, любимая из которых в честь того одноимённого замшелого городишки Приморского края, где товарищ Артём Сергеев век назад устанавливал красную революционную власть выгребал подземный жар рабскими руками. Его пробирочный клоп, не дрогнув ни единым мускулом за неимением оных, глядя на соседнюю девятиэтажку, с присущим маньякам тихим злом умозаключил: – Ничего такого... Сейчас она только жопу покажет всем, припозорится, как всегда. И залезет обратно жалобы на нас катать, овца... Нам мамашкой её пора заняться. Ану отошли от окон!

Мои бессильные разжимаются пальцы и в страхе гаснут глаза. Электротоком мчатся секунды, как вечность, и я лечу спиной в пропасть, не глядя вниз. Так стремительно и тяжело, словно не тонкая девушка, а мешок с камнями. Видимо из-за большой высоты. Всё перед глазами смешивается потоком ветра, ужаса, а затем листьев и хлесткими ветками расцветающих кустов. Но совсем-совсем не больно. Лишь полное ощущение прикосновения надёжных рук к моей шее и затылку, как в младенчестве, мамино шёпота и последнего поцелую в голову.

Считанные секунды водоворотом. Только заезженного киностереотипа мало для того, чтобы прогнать перед глазами всю особенную жизнь. Две неразделимые жизни, между которыми пропасть глубиной с девяэтажку.

Замедлим намеренно секунды полёта вниз, чтобы найти не надуманные улики многочисленных и многоступенчатых преступлений одного преступного сообщества с историческими корнями против материнского начала. Когда женщина считается безликим и бездушным материалом для экспериментов, когда против хрупкой доброй девочки, которая только с виду уже выросла или даже родила вторую такую же, воюет армия безродных подонков, называя эту патологическую травлю своей системой.

Зима 1970 года

– Маргоша, ты чего? Это не дверь, это диван. – усмехнулась арёмовская школьница с хитрыми раскосыми глазами, глядя сверху вниз на вторую восьмиклассницу, затравленную неожиданной западнёй до такой степени, что стала в потёмках биться под большой диван в надежде спрятаться там от неминуемой расправы. Светловолосая и голубоглазая, как кукла, пятнадцатилетняя девушка была растрёпана и полураздета. На покрасневшем лице паника и страх. От цинизма предательницы, беззаботно восседавшей на чужом диване дома преступников, в глазах девчонки прояснилось. Она поднялась на ноги и вперила в одноклассницу яростный взгляд:

– Все двери закрыты на замок, окна заколочены! Ты чего сидишь, дура! Твою Тоньку там мучают! Что ты молчишь?! – закричала она, махнув за спину, где из спальни доносились слабеющие стоны, визги и пьяные вопли спорящих парней, удивительно ловко для советской периферии заманивших трёх школьниц в свой дом на вечеринку. Самая старшая и глупая из них, уже впадающая в полуобморочное забытьё, так и не увидела заблестевшего перед своим носиком поперёк вечеринки кольца с дорогим камнем. И теперь ещё один ублюдок, недавно вер-

нувшийся из армии, носился по всему частному дому за светленькой девочкой Марго с тем же кольцом в левой руке и с острым ножом в правой.

– И что теперь? – безразлично ответила раскосая одноклассница Лена, кушая виноградки, одну за другой. Непримиримая и гордая Ритка снова вспыхнула щеками от презрения к неожиданно разоблачившейся сущности лучшей подружки, но сразу же похолодела, вспомнив, что за время этой кошмарной охоты в запертом доме к Ленке никто не смел и прикоснуться – широкоплечий старший брат, уже завоевавший популярность среди девок, называемых почему-то «лебедями», и авторитет на весь городок со странным названием Артём. – Что я сделаю, если Тонька сама в спальню попёрлась.

– Ты сволочь! – вскипела Марго, нервно обернувшись, пока единственный не занятый Тонькой ублюдок отлучился по нужде. – Сговорила что ли?! Это ведь твоя идея была, пойти с ними! Открой мне двери!!!

– Большая что ли?! У меня нет ключей. – крикнула с улыбкой Ленка, подчёркивая свою коварную раскосость. Более паршивой морды Марго среди окружения ещё не видела, и тем более никогда не замечала этой двуличной мерзости в подружке, что стала почти сестрой в трудный период школьной травли и фактического изгнания скандалами из родного дома. – Что ты так паникуешь? Ты же просто ему нравишься. Ты похожа на его девушку, которая не дождалась его из армии...

– Кому?! У него ножик! Он сказал, что зарежет, если я... А ты? Ты почему им не нравишься так? Из-за брата? Скажи им! Про него скажи! Открой двери! Помоги!

– Да успокойся ты, – снова не дрогнула молодая, но насквозь гнилая девочка из полной хорошей семьи, явно замыслившая или исполняющая не по годам гнусный план, – Ты что не хочешь парня, не хочешь колечко? Не хочешь быть «лебедью»?

Марго наверняка вlepила бы в тот момент предательнице отрезвляющую пощёчину, если бы её руку не заломили. Вернулся чуть опьянённый ублюдок и, не забывая про ножик, потащил девочку во вторую свободную комнату. Ленка безразлично смотрела вслед, оставив виноград и взявшись за шоколадки. А Рита всё равно не сдавалась, вспомнила верный приём, показанный мамой бить каблуком чётко в ценное мужское место, и шарахнула изо всех сил насильнику, уворачиваясь от ножа.

– Ах ты су... – зашипел от боли он и девочка стремительно помчалась на веранду. Как могла заперлась там снаружи, судорожно нащупав засов. Затем огляделась вокруг – застеклённая мелким деревянным витражом веранда с грудой хлама и запертой на замок входной дверью. Гениальное решение подсказал инстинкт самосохранения.

Под хрупкими плечиками и спиной уже бился жлоб и кто-то второй, пришедший ему на помощь. Они орали, матерились и хлипкий дом уже ходил ходуном. Если дом не выпустит, значит так развалится. Марго крепко подперла вышибаемую дверь и упёрлась во всю ширь длинными только оформляющимися ногами в витраж узковатого коридора. Собрала все свои силы и волю в кулак, и принялась сдерживать атаку до конца. Пьяные преступники периодически уставали, кто-то вообще заснул, предательница всё уговаривала открыть дверь, поздно вато вспомнив, что пора домой к родителям.

Когда за окном стало светать и затёкших ног девушка уже не чувствовала, ослабшая осада вновь усилилась. И явно с двойной силой начала выбиваться дверь. Слышно было, что дальше один из срочников начал драться с кем-то из бывших поделщиков, потому что ошалевший главарь намеревался убить непослушную беглянку и успел порезать второго, упустившего добычу. Соблазнитель Тоньки был самый крупный, отоспавшийся, потому стал биться, как вол, и уже через пять минут дверь, а с нею и лёгкая, но удивительно сильная девочка вместе с выломанным витражом вылетели на улицу. Посадку относительно смягчили зимние сугробы. Кубарем следом вылетели малолетние бандиты, но, от ярости забыв про пленниц, начали яростно

бороться между собой. В одном из них проснулся вчерашний защитник отечества, он стал щитом и стеной для битъя, чтобы девчонки под шумок разбежались. В разные стороны.

Одной из них предстояло быть застреленной неизвестными в молодом ещё возрасте на автозаправке того самого города Артёма, а второй бегать дальше втёмную по замкнутому кругу в поисках выхода.

Глава 2. Новое рождение

17 мая 2018 года, полдень

Перед глазами темнота. Во тьме вопрос. Жива? Пять минут пребывания в состоянии сознательной темноты. В состоянии нокдауна. Полная дезориентация. Страшно открыть глаза. Я почему-то слышу прежний пульсирующий вокруг дневной мир Петербурга, всё чувствую. Упав с высоты девятого этажа...

Чувствую, что не погибла, всё ещё здесь, в западне. В сознании, но нет кровавых обжигающих болью открытых переломов. Голова цела и почти светла. Осталось лишь осмелиться открыть веки. Лишь рёбра внутри треснули в прошлогодних местах, перечеркнувших мою неудачную работу. Ещё болит большой палец левой руки, ссадины на коже и голова немного кружится. Решив приоткрыть глаза и подняться с земли, я ощущаю будто у меня всё же треснул череп. Словно всё его содержимое чуть сдвинулось с прежнего места. Даже смотреть вперёд дискомфортно, будто глаза теперь находятся на разном уровне. Плыву.

Но идти вперёд всё равно придётся – рядом ни души. Ко мне, днём спикировавшей сверху, мимо всех этажей дома с открытыми из-за майской духоты окнами, никто не подошёл. Прохожие были. Поблизости стройка и ментовский дорожный дозор. Машины, мотоциклисты, таксисты, пешие тётеньки и дяденьки, молодёжь... Господи, они и сейчас идут, проходят мимо! Плевать на эти «мёртвые души». Подталкивает детский инстинкт – мне надо, как можно скорее добраться до своего подъезда, сдерживая слёзы, чтобы двор не увидел слабости. Мчаться домой, где больше никто не согреет и не утешит. К отцу, который как раз ушёл собирать последние документы для мамы. Это было мне так выгодно десять минут назад, наверху, где никто не мешал стать порыват и поразмыслить, а сейчас обернулось засадой. Ведь отец точно ушёл надолго. Звонить в домофон бесполезно, в оглохшей квартире только перепуганный утренними трагедиями и визитами посторонних кот. Ключ от квартиры и подъезда, мобильник и обувь на «всякие-пожарные» я с собой не захватила.

Наконец выпрямилась на босых ногах и, чуть пошатываясь, пошла к нашей третьей парадной вокруг многоэтажного и многокорпусного дома с камерами наружного наблюдения, построенного питерскими ветеранами внешней разведки, которые славятся дурной привычкой подглядывать и подслушивать все проявления чужой жизни и в пенсионном статусе службы. Эти социопаты наверняка и сейчас спокойно смотрят в камеры на то, как чудом выжившая девушка после утренней смерти мамы тащится босиком к закрытой двери в разорванной и местами окровавленной одежде. Могли наблюдать момент гибели, а сейчас старший дал общую на всех зомбарей команду не вмешиваться, просто дальше маниакально наблюдать метания несчастной – нельзя же нарушать театральные правила конспирации невидимых страусов, шпионящих за собственной задницей из песка. Без палева...

По шершавому битуму и осколкам под окнами, шаг за шагом. И вот я у цели. Да, по домофону из нашей квартиры никто не ответил. Отец уже в другом районе города бегаёт по кабинетам больницы, где четыре года назад мама прошла первичный осмотр и был выявлен жестокий диагноз. Я так билась тогда, отчаянно боролась, отдавая маме все свои резервы силы и время, которое обычные дочери-ровесницы тратят на поиски личных перспектив, сдав своих родителей в хоспис. С глаз долой, из сердца вон. Есть и такие, что даже сдать в хоспис поленились, не то, чтобы позаботиться дома. Просто прогонят умирающую мать со своей кровати, а потом предательски сбегут из квартиры с мертвецом и побегут зарабатывать себе денежку.

Самое anomальное, что я даже не столько со смертельной болезнью боролась, а с её изощрёнными виновниками. Возила и прятала туда, где странная экзогенная болезнь мамы сразу же отступала без лекарств и операции. А убийцы следом, перфораторы и облучающая аппаратура

на полную мощь. Никого не стеснялись. Ни Бога, ни чёрта. Ни того, что курортная гостиница или захваченная ими квартира этажом ниже. Ни того, что чужая прекрасная мать и без того измучилась от болей и новых разрушений организма. Пусть помучается, сука.

Я всегда была рядом, хрупким, но надёжным щитом. И болезнь отступала. Мы растягивали спасительные деньки в бегах, не совершив ни одного преступления, пока не кончались средства и нужно было возвращаться в город трёх революций, стукачей и бандитов, по месту новой прописки. Как на убой, а теперь на погост. Очевидно, это была не онкология с чудесной четырёхлетней борьбой за жизнь без медицинского лечения, а целенаправленное умерщвление ненавистной жертвы со стороны секты татарско-сергеевских «разведчиков» Ханского, под окнами которых сижу, безуспешно сдерживая мелкую дрожь и рыдания, как будто прошу подаяния. Вся доказательная база, как говорится у следователей, сейчас на лицо. Час, два, третий пошёл, а эти «специалисты», специально обученные чудовища, прикидывающиеся мамами с пустыми колясками, любопытными бабками в шляпках и спортсменами с проводками из тяжёлого рюкзака, шляются мимо меня. На мне была белая футболка, от которой на израненных боках и животе осталась лишь рвань. Поэтому кровь видна и за пять метров. Багровые полосы на щеке, босые ноги, в растрёпанных волосах мелкие цветки и листья акаций, кустарники которых чуть смягчили мощный удар о землю и поменяли траекторию падения спиной вниз на противоположную.

Свои автографы цепочкой неровных следов я оставила от окровавленных ступней, пока шла по придомовой тропинке к своему подъезду. В него гонцы Тома-гнома забегали и выбегали уже раз двадцать, ни одна мразь не спросила у сидящей прямо под видеокамерой бродяги: «Что случилось, вызвать ли Скорую или полицию?». Дом ветеранов разведки с Литейного, одним словом. И весь заселённый контингент тот же, с опорой на деструктивную секту экстремистов, пытающих по собственному вкусу некоторых россиян. И Том-гном, на данный момент командующий травлей и «оперативно-экспериментальной бригадой» против меня и близких, сейчас едва не разрывается, радостно жужжа над поступившим его медикам в Александровскую больницы маминим бездыханным телом. Колеблется, пытаться дальше психологически глупую дочку, мучающуюся после прыжка под окнами конспиративок, или уже можно со сладострастным удовольствием приступить к физическому? Пусть ждёт, приказ подойти и прислать Скорую строго не отдавать никому! Не заслужила наше сочувствие и обезболивающее. Пусть ещё терпит и ждёт, овца, за то, что без нашего одобрения родилась.

И его крысиный отряд действительно продолжает демонстративно бегать в наш подъезд, из которого четыре часа назад вынесли тело мамы. Один из таких, из спортивно-прозомбириванной молодёжи, даже подошёл поближе и сел на лавку за моей спиной. Глянула искоса – парень пялится на мои грязно-красные тряпки. А ещё наверно в своей левой разведке экзамен на общественную безопасность и оказание помощи при ЧП успешно сдавал. Спортсмен и свиные отрывки из окна на первом этаже выводят меня из горестного анабиоза с вязкими мыслями о том, как маме на небе без меня, как мне дальше быть, куда деться. На самом деле больше всего на свете я не хочу обратно в ту квартиру. Всё это время полудрёмы у подъезда на меня светит нежное солнце, будто мамина душа, что шепчет беззвучно, чтобы я противостояла дальше, воплощала творческие идеи. Но после обеда солнышко перемещается и от шоковой дрожи и полу обнажённости зуб на зуб перестаёт попадать.

Как-только уходит спортсмен, я осторожно перемещаюсь на освещаемую лучами сквозь тучи скамейку. Здесь и вовсе прекрасный обзор, и они покатали глазеть на машинах с привычными методами – вездесущие такси или грузовики с пьющими пивко операми и аппаратуркой под тентом. Игра «кто кого пересидит» сборища сплочённых слабаков со стальной девчонкой. Что ж, продолжим до самой глубины бездушия новых русских фашистов, праотцы которых восемьдесят лет назад открывали первые эмигрантские ячейки немецко-японских фашистов

на Дальнем Востоке и помогли русофобам подготовиться к захвату ненавистной Советской России.

Сижу, дрожу дальше, и наглядно подтвердившиеся старые мысли вновь заплетаются узлами. И отец всё никак не возвращается...

– Девушка? Вам... Вам помощь нужна? – наконец звучит голос в моей зоне отчуждения, будто послышалось. В самом деле, не глюк, а наш сосед по лестничной клетке. Дядя Миша, кажется. Держит железную дверь нашего подъезда для меня со стопкой коммунальных платёжек в руках. Киваю и, кое-как поднявшись, спешу к нему на босых ногах, пристыженно скрываясь от взгляда. Напрасно стараюсь – сосед вовсе не в шоке. Смотрит сквозь линзы очков осведомлённо-безразличным взглядом мягкого человека, пусть раньше и поругивался с моей сестрой из-за выгула своей служебной собаки по кличке Валдай. Смешно и грустно.

Спустя минуту едем с ним в лифте на девятый, как ни в чём не бывало, будто я в обуви, и мы приятели. Михаил великодушно позволяет мне дозвониться отцу и тот в крайнем ужасе обещает примчаться с одного конца города к нам в Оккервиль. Не каждый день можно услышать от дочери, что она случайно выпала из балкона, как птенец из гнезда, и, выжив, не может ни в квартиру попасть, ни в больницу уехать без него и документов.

– Так, это... – неуверенно кашлянув, обратился ко мне сосед, – Скорую же вроде вызвать надо, у вас кровь.

– Без отца и паспорта не поеду, травмы не слишком серьёзные...

– М-да... Тогда можно у меня его подождать, не против? – бесцветно предлагает дядя Миша, удивлённо приподнимая седеющие брови.

– Да, спасибо... Спасибо вам больше, думала сегодня уже не будет людей... Папа уехал в больницу, по поводу мамы, она сегодня утром...

– Я понял, мои соболезнования. – вовремя прерывает мой сдавленный плач Михаил и мы скрываемся в квартире по соседству с нами.

Ожидание недолгое и вполне комфортное. Огромный срывающийся с поводка из ванной пёс ничто по сравнению с уличными безучастными дикарями вокруг меня часом ранее. Вскоре появляется отец с расширенными от шока глазами. Для него сегодня удар за ударом и от того он суется, бормочет вслух варианты экстренных действий. Наскоро собрал мне вещи для больницы, не веря, что мамочкина душа сотворила своё первое ангельское чудо и у меня нет увечий после падения на землю с девятого этажа. Скорая вновь вызвана, второй раз за день по тому же адресу. Вернувшись в окоянную квартиру и ощутив прежний дух смерти, впадаю в истерику, заглушая безостановочные рыдания потоком воды в ванной, где смываю грязь и кровь с садин. Я знаю, что они ждут меня в Александровской больницы со заготовленными пытками, но нет выбора – я физически не могу оставаться дома. Хоть куда...

– Решено. Значит, госпитализируем. – удовлетворенно заключает светленькая медсестра помоложе, осмотрев меня с нескрываемым удивлением, – Какая худенькая, ни кардиограф, ни тонометр не держится! Потому и не разбилась, наверно

– Да нет же, – оспаривает вторая медсестра – зрелая сухая брюнетка с мужской стрижкой, обходя блондинку и с возмущённым изумлением глядя на меня лежащую на кровати, – Даже с научной точки зрения – это нонсенс! Физически невозможно, люди бьются насмерть со второго этажа! А тут девятый! Считаем вместе: девятый этаж, около тридцати метров, вес сорок-пятьдесят килограммов, значит ускорение и сила тяжести не позволила бы выжить. Остаться почти невредимой! Это точно падение из окна, свидетели были? Это чудо, ты понимаешь, что ты должна была умереть?!

– Видимо должна была... – с искренним сожалением говорю я, но продолжить, оправдаться за ненужную жизнь перед странной женщиной, послать к чертям или всерьёз решить формулу собственного падения, мне не позволяет отлаженная последовательность действий блондинки с более человеческим подходом.

Через минут пять уже смотрю глазами, всё время наполняющимися слезами, в потолок не своей комнаты, а салона жёлтой Неотложки. Всё повторяю, как в бреду, что это мама. Мама меня спасла, но я не смогу без неё. Светловолосая медсестра с состраданием и профессиональным пристрастием оглядывает моё лицо и ставит мне первую капельницу. Может быть благодаря успокоительному или седативному, незаметно наступает отстранённое облегчение в сдавленном сердце. Но временное спокойствие от физраствора, как рукой снимает, когда бригада мимо разноцветной массы страдальцев и медработников решает везти меня в реанимацию.

Они отстраняют взволнованного отца, оставшегося с потерянными глазами за стеклянными замкнутыми дверями с моими вещами, резко обрывают мои протесты и уверения в собственной самостоятельности и берутся за моё тело. В реанимации по традиции полагается быть в чём мать родила – всё же второе рождение.

– Чего?! Бельё не собираюсь снимать! Я в сознании! – наотрез заявляю я, отпихнув медперсонал, что действует, как оперативная бригада. Все, не исключая уже новых врачей и медработников, хохочут.

– Так полагается по правилам, не стесняйся, мы же врачи. У тебя кататравма – сотрясение стопроцентное и нельзя пока вставать, а анализы потребуются сразу, перед операцией или госпитализацией. – чуть мягче с улыбкой начинает уговоры та человечная блондинка. Из чёрно-белой пары «плохой и хороший коп». Я слушаю, но снова натягиваю простыню, под которой осталось уже немного. Ей деловито помогает изрядно побитый жизнью санитар с наколками и большим блатным крестом на цепи.

– Нет-нет-нет! Я не буду до гола раздеваться! Шоу тут устраивать... Нельзя иначе, тогда я пошла домой! Я могу!

– Она не в себе... – смеясь и переглядываясь, кивают многочисленные тётки в медицинских формах разных цветов, как мультперсонажи. У дам преобладают бирюзовые и розовые, мужики в синем и лишь один в бордо. Он-то и блестит озорными глазами через стекло соседнего помещения.

– Так, знаешь, что! Нашлась тут Шерон Стоун! Мы не пялиться на тебя собираемся, а спасать, – хрипит на меня брутальный с большим крестом на синей форме, почему-то сменивший шконку на подработку в реанимации. Мой гневный стыд сменяется обидой, а бывший сиделец продолжает хамить под всеобщее одобрение женщин, – Не мы правила придумали, и не под тебя, тоже мне звезда! И не таких видали...

– ... и не таких раздевали, понятно. Я пойду, я умею без помощи, верните одежду.

– Так, девочка, успокойся, – приобняв, вновь вмешивается светловолосая из Неотложки и возвращает меня на кушетку, – Здесь никто не собирается издеваться или позорить тебя, мы врачи, останутся только женщины. Этот санитар сейчас уйдёт, он только возит больных, и тебя будут осматривать квалифицированные врачи. Твой случай очень сложный, уникальный! Всё будет хорошо, понимаешь?

Кое-как сладили с моими принципами. Размягчающее нервы лекарство в крови сняли сопротивление. И бригада разноцветных черепашек-ниндзя продолжили свои поочерёдные манипуляции с эксклюзивной пациенткой. Медработники реанимации вели себя, как на стендапе: сплетничали, смеялись, называя меня «звездой дня» и «белкой-летягой».

Молоденькие и не очень сестрички суежились надо мной с анализами и прочим. Одна капельница сменяла другую, вопросы, подколы и восхищения, одни врачи вместо других. Они представлялись мне, лежащей на третьей каталке голой на брезенте под тонкой простынькой рядом с ещё двумя каталками с гольшами, но я не запоминала, кто есть кто из этих святых районной Александровской больницы, «квалифицированность» которой я оценила год назад, когда вместо двух реальных переломов у меня нашли лишь один, якобы проткнувший лёгкое. После чего, просто отписавшись от сомнительной помощи и врачебной ответственности, терпя боль и нехватку воздуха, отправилась домой. В прошлом году я опасалась попасть сюда

на отделение, как огня. Но сейчас, что-то не отпускало. Мне хотелось остаться в Александровской. А потом обязательно в другую жизнь, лишь бы не в тот дом. Дом смерти. Только не назад! Я ещё не знала, куда доставили маму утром, а сердце безошибочно определило навигацию.

Реаниматологов и старшую медсестру отделял от помещения операционного зала стеклянный бокс с ещё одной дверью, ведущей, как оказалось позже, во врачебный туалет. Вдруг к ним с шумом присоединился отлучавшийся куда-то тот самый здоровяк с бодрими глазами и бордовой спецформой. Каждый из них будто соревновался в остроумии относительно экстремальных полётов во сне и наяву, и людей с десятками запасных жизней, как у Дункана Маклауда.

– А кто всё-таки победил в том прошлогоднем матче, ребята, напомните? – как-бы невзначай, бросил он цветным коллегам и сверкнул на меня глазами, – Я доктор Хохмачёв, общая терапия, буду вас наблюдать. – глядя с высоты своего гусарского роста на меня, выразительно сказал он. Я кивнула, а его бригада подхватила тему некоего матча. И вновь, заглянув мне в глаза, он расставил акценты коллегам: – Ребят, ну помните ту самую команду, которая нашу победила. Гейм овер. Победителей не судят. Что у нас тут с синяками-переломами?

Его развлекательную волну быстро сменила другая, отрезвляющая холодным нафталином и нашатырём.

– Так-с, кто тут у нас упавшая с высоты гражданка с кататравмой? – манерно возвестил о своём нисхождении важный седовласый профессор.

– Упавшая на нас, как снег на голову, с девятого этажа? Вон та девочка с краю. Как зовут, напомни, летяга? – весело обратился ко мне соколик спецназовского телосложения с фамилией Хохмачёв.

– Инга...

– Дату рождения, группу крови свою, позвольте напомнить, Инга. – в ретроградном стиле начал подбираться ко мне профессор в области нейрохирургии или психиатрии, специализирующийся на черепно-мозговых травмах. Пусть и почтенный старец, но в глазах и у него мелькнул огонёк нездорового любопытства, когда выслушал отчёт о случившемся от медперсонала, а затем от меня.

– Говорите, случайно шлёпнулись с балкона? В шторах из-за котика запутались? В столь траурный день... – хитро прищуриваясь, выражал скепсис почтенный доктор, щупая пульс, и ясными всезнающими глазами глядя прямо в мои спокойные зрачки.

– Да, так и было. Я была сильно подавлена, окна открыты из-за жары, и я не удержала равновесие. – убедила я, понимая, что чёртов дед клонит в сторону полёта над гнездом кукушки.

Он заметно не поверил, ещё раз склонив седую голову на бок, улыбнулся и удалился заполнять мою медкарту. Что-то или кто-то сковывало его безнадежному коллективу руки и потому он держался надменно-сконфуженно.

– И всё же, на томограмму её. – распорядился он, – Инга, группу и резус крови помните?

– Третья, точно. А резус... Положительный. Нет, отрицательный. А какой типичный? Я забыла. Но у меня нормальный. – запуталась я, и это уже вызвало многозначительный взгляд мозгового доктора.

– Хе-хе, сомневаюсь, что нормальный. В твоём случае всё ненормально, – хохотнул бордовый, играя задорными глазами, – Поверьте моему опыту, профессор, резус-то ерунда, не пинкод от банковской карты. Девушка настолько жизнеспособная, что сейчас проверим, кто крепче, она или наш томограф. С девятого катапультировалась и только пальчик ушибла! Заносу в личную коллекцию феноменов. Ну, полетели, Белка-летяга?

И Хохмачёв укатил меня от глаз овощной медицины подальше, в кабинет, где просвечивается каждая извилина в капсуле, где сошёл бы с ума любой клаустрофоб. Здесь за новейшими исследованиями строго следила темноволосая важная дама в малиновом, предки которой явно так долго скитались по пустыне, что научились находить и в пустынном песке золото. К огор-

чению профессора-мозголома и на радость Хохмачёва, удивившего меня непривычно серьёзным лицом в дверях, вежливая дама не выявила у меня ни единого повреждения в голове, трещинки подтвердились лишь на моих хрупких рёбрах и пальчике левой руки.

– Что ж, хоть в космос, как говорится. Но, признаюсь, нашему отделению нейрохирургии до Tesla, как до Луны пешком. – толкая каталку со мной обратно в реанимацию и глядя вниз, признался мне Хохмачёв, – Полежишь с недельку у нас на отделении.

– Хорошо, – согласилась вдруг я, – Везите туда, зачем опять в реанимацию, что будете наркоз вводить?

Он усмехнулся, а я махнула ожидающему отцу рукой, вновь проезжая мимо него на обратном пути:

– Так надо, почему-то. – загадочно сказал мой вишнёвый извозчик, – Сейчас ещё оставшиеся анализы подспеют и карту заполним. Как чувствуешь себя?

Я поняла этот вопрос не в медицинском ключе, потому что на меня смотрел человек, а не лечащая или калечащая машина.

– Да как-бы сказать... Я себя особо не чувствую. Мне так плохо в душе, что физическое ничто... – я запнулась при мыслях о маме, о том, как утром его младшие коллеги Скорой помощи под началом докторишки Рената Насимова фактически произвели эвтаназию, отказавшись откачивать по закону Минздрава о прекращении мучений больных последней стадии. Капельницы с успокоительным растворили горькие слёзы и глаза остались сухими, мысли чистыми, будто полегчало. Но это был внешний эффект, как тонкая белая простынь поверх дрожащего от холода и душевной боли тела. Хохмачёв опустил в пол умные, немного прожжённые, но понимающие глаза и быстро подобрал полагающиеся по случаю слова:

– Тут нужно чувствовать второе дыхание, непросто так заново рождаются. А чтобы идти дальше, вперёд.

– Ну да, вот я тут, как после рождения, – выдавив смущённую улыбку и пошевелив торчащими пальцами обнажённых ног, сказала я, – Или как в белом саване в чистилище...

– О-о, чистилище – это нечто круче, когда бывает жарко. – ухмыльнулся он, окинув взглядом скучную опустевшую реанимацию и по-прежнему не замечая, что я синее от холода и дрожу.

– Скорее наоборот, я тут у вас от переохлаждения умру, зуб на зуб не попадает.

– А-а... – он спохватился, будто очнулся от игры слов, и сообразив, в каком виде я под простыней, сработал оперативно. Принёс из коридора шерстяное одеяло и заботливо укутал меня.

Обычный человеческий порыв, за который доктору в вишнёвой форме можно было бы дать премию имени Рошаля, пожимая руку, сказать большое спасибо, но тогда нас застали, как нашкодивших злоумышленников. Развязные медсёстры, предпочитающие сальные сплетни спасению жизней, и медик в наколках. Терапевта срочно куда-то отозвали, бабёнки пошумели, а после, как по незримой команде тоже разбежались. Они не забыли погасить свет в пустой реанимации, зато как-бы случайно забыли во мне иглу от капельницы и болезненный катетер, с помощью которого разноцветный цирк маниакального куратора Тома-гнома брал мои анализы. Смертью пытки и травля у морального урода не заканчивались. Я ещё была жива.

Мои просьбы, требования и крики не возымели действия на ряженный персонал больницы. Не известили отца и он отправился на поиски позабытой дочери сам. Но в дверях сумрачной реанимации его буквально отпихнули два новых шута в верхней одежде, подосланные в место, куда «вход посторонним без бахил строго запрещён». Девушка с парнем с видом крайней нужды вдвоём, как из племени диких обезьян, бросились за стекло в заветную закрытую дверь врачебного туалета.

– Вы кто вообще, где врачи? – возмутился мой отец, разумно не решаясь переступить запрещённую черту реанимационной в отличие от двух дебилов. – Инга, тебя тут что бросили, позвать заведующего?

– Мы пописать зашли, мы здесь работаем. – на полном серьёзе отвечали дебилы, которых, конечно, на видео снимать надо было, чтобы в эту «квалифицированность Александровской больницы» и психопатологии Тома-гнома кто-то поверить мог.

– Вы рехнулись совсем?! – приободрилась я, несмотря на безвыходность положения, начав орать, – Сюда же в трусах даже нельзя. Биотуалеты на улице, валите отсюда и врачей тащите! Папа, выгони взащей этих крыс, зови заведующего, они инструменты из меня не вытащили и специально посваливали все разом, фашисты!

Только на крики пациентки сбежалось двуличное племя разноцветных, возмущённо доделывать свою работу. А после уголовник с крестом покатыл меня на отделение с перекошенным от необъяснимой ненависти лицом, дергая на поворотах и долбая обо все углы. В лучшем виде.

На пятом этаже нейрохирургии мне передали одежду. Саму меня передали уже другому заведделением и медсёстрам не из земного дна. Дно, матерясь, и попыхивая сигаретой вернулось к своим в логово, но наткнулось на неодобрение специалиста в бордовом. Они надвинулись друг на друга и с этого момента затянулся трёхдневный спарринг людей против бандерлогов, не понимающих, что «западло» добивать упавших, пытаться пленных, бить и убивать детей с их матерями, предпочитая бить в спины.

– А чего эта вешалка так много на себя берёт, я не понял?! – прохрипела одна сторона, – Чё за кипиш из-за босячки, особенную что ли нашли? Пусть, как все говно жрёт!

– Запомни, ты, говноед хронический! – уверенно наехала противоположная сторона баррикад, – Ты здесь не должен своей тупой башкой что-то понимать. Не мучься. За тебя это сделаем мы, если ты без понятий. Если тебя и кучу твоих корешей сорвали с мест, если спецслужбы здесь в оцеплении, если журналюг отогнали, значит особенная! Заткнись и выполняй приказы. – и дёрнув сухого щетинистого зэка, как козла, за крестообразную бирюльку, которой он отметил возвращение из очередной козырной ходки, Хохмачёв добавил, – Эта девка во втором корпусе перекантуется под нашим зорким присмотром, а ты со своими, будешь внизу в оба за другим корпусом смотреть. Здесь в морге её мать, она умерла сегодня утром...

8 августа 1964 года

– У тебя девочка родилась! Красивая, горластая, чего ревёшь?! – расхохотавшись, бодро сообщила кабардинская повитуха русской кудрявой мамаше, измученной тяжёлыми родами. По местной сакральной традиции, кабардинка перерезав и завязав крикливой малышке с ясно-голубыми глазами пуповину, украдкой обмазала материнской кровью щёчки и губки, чтобы дитя росло здоровым и всегда румяным. Новорожденную начали обмывать и взвешивать работники роддома, а повитуха снова с недоумением глянула на досадные слёзы роженицы.

– Глупая, ребёночек у тебя живой, хороший родился. Ты что плачешь?

– Меня муж бросит, сын должен был родиться! А больше не забеременею, как врачаха из Нальчика сказала...

– Господь так располагает. Всё равно кровинка ваша с мужем, – хмыкнула мудрая повитуха, неодобрительно разглядывая страдающую мамашу, – У меня вон пятеро девок выросло, пока джигита с мужем дождалась. Любит – не бросит. Тем более он же русский у тебя?

– Да, Лёнька...

– Тем более, – улыбнулась медсестра, укутав успокоившуюся мать в новые простыни и сунув ей под бок оглушительно кричащую малышку, отчего лицо женщины стало ещё более несчастным и она отвернулась. – Ты чего воротиться, дурочка? Корми своего ребёнка! Муж твой уже сюда рвётся. Как назвать решили?

– Не знаю... – тускло прошептала вымотанная мать, – Миша должен был родиться...

– Значит Машу принимайте.

– Не Машу, а Маргариту, – громыхнул молодой красавец-отец за спиной, стоя в волнении с валяющимися на кафель пола цветами, – Маргариткой назовём, как цветок...

Кудрявая славянская красавица с массой недоброжелателей и горячих южных конкуренток даже во сне не могла представить, что похотливый муж, бредивший идеей наследника

несуществующего состояния, души не будет чаять в заводной дочке с его глазками, носиком и губами. Одно лицо или «потрет», как косноязычно говорила теща.

– Сына!!! – орал он на весь двор кабардинского дома с душистым виноградником и синеглазая малышка, откликаясь, бежала на встречу могучему и яркому отцу с раскинутыми руками.

– Ты совсем дурак, что ли? – с раздражением глядела на это всё жена с полотенцем и поварёшкой в руках, – Она же девочка, хорошенькая... Хочешь, чтобы «мальчиком» дразнили?

– Маргаритка! – ещё громче кричал и смеялся папа, подкидывая вверх свою девчачью копию, бойкую девочку с внешностью куколки, но мальчишеским характером, и всё свободное после работы время посвящая ей.

Он показывал забавную и смекалистую куколку соседям и друзьям, таскал с собой на бильярд, куда предпочитал при этом никогда не брать жену. Катал не только на крепких плечах и спине, а ещё за баранкой рабочего грузовика, давая порулить. Поил своим фирменным напитком: чаем с растворёнными в нём конфетами «Школьные», последним ярким акцентом в котором была выдавленная вишня-шпанка, только что сорванная с дерева в своём саду. А потом, как стемнеет, летней жаркой ночью они ложились спать на выставленной сушиться перине прямо во двореке под открытым небом. Где через вьющиеся виноградные листья считали низкие и потому огромные южные созвездия.

Но безудержные инстинкты, зависть и чужое влияние оказалось сильнее. Он ушёл. К некрасивой женщине с особыми связями, взрослый сын которой препятствовал жестокому разрушению чужой молодой семьи с маленькими детьми. Переступив через помехи и преграды, отец всё равно ушёл в другой дом, но не мог без своей Маргаритки. И однажды, взяв на прогулку, просто похитил собственную дочку. Привёз девочку любовнице, обрадовавшейся таким маленьким забавным гостям, любящим шоколадные конфетки тоннами. А потом прятал по чуланам, когда начала штурмовать дом разъярённая жена, экстренно прибывшая за младшей дочкой на мотоцикле с соседом. Трагикомедия достойная экранизации.

В финале, когда поплыли слезливые титры, кудрявая женщина стояла на железнодорожной станции с кучей чемоданов, встревоженно оглядывая многолюдную округу. С минуты на минуту должен был прибыть поезд домой, на Дальний Восток, стоянка не более пяти минут. А Лёнька пошёл кормить младшенькую лучшими шоколадными конфетами, которых «дальше Урала не сыщешь».

– Неужели снова украл Ритку, подлец... – шептала она себе под нос и едва сдерживала рёв с сердечным приступом, – Нет, это я дура!

Она послала старшую к станционному смотрителю, потом в панике сообразив, что старшая дочь ещё дурнее, поменялась и оставила её на перроне, чтобы чемоданы караулила. А сама побежала метаться по провинциальному казацкому вокзалу в поисках наглой морды изменника и его пятилетнего «потрета». Мать в самом деле застигла семейную идиллию в магазине сладостей. Лёнька украдкой плакал, шептал на ушко Маргаритке что-то и наполнял кармашки платья шоколадками и деньгами. Гордая жена не поддавалась запоздалым уговорам – не пропадать же дорогим билетам, общий дом продан и поделен, а мужа с чужими не разделишь.

Отец ещё около часа стоял, как вкопанный на опустевшем перроне, глядя вслед разрушенной жизни. Как в тумане. Когда душа рвётся к своим, а чужая воля соблазняет и подчиняет себе. Красавец с лучшими на весь городок генетическими данными уже на следующий день поехал не к одинокой женщине с ненавидящим его сыном. Ему велели, как и раньше, вновь и вновь приезжать в самый центр южной советской республики, построенный в виде подковы, где людей, как хомячков разводила на редкость успешная вдова загадочного революционера и врач-генетик Сергеева, в честь которого был назван родной город жены, куда она, рыдая, возвращалась с дочками.

Глава 3. Запретный плод

18 мая 2018 года

– Инга... – послышался самый любимый голос из окна, из которого дул тёплый сияющий ветерок.

– Мама? – откликнулась мгновенно, но не понимая, куда смотреть и где искать родное лицо.

– Мамочка! Ты здесь, ты жива?

Не прозвучало ответа, но было радостное ощущение, что всё как раньше, без чувства безвозвратной утраты, краха и вины. Незримо мама взяла за руку и мы взлетели, как облака, словно были с ними единой материей. Сверху Питер смотрелся, как шкатулка с мистическим наполнением. И было нестрашно парить. Мы были невесомы. И это был сон.

– Я рядом, но так будет недолго... Нас скоро разлучат... Живи, но будь осторожна...

– Кто? Кто разлучит, мама? – я запаниковала, когда прекрасный мамин образ ангела стал быстро развеиваться в сизом небе и кричала с трудом, словно через заклеенный скотчем рот.

– Те, которые меня отравили... – прозвучало беззвучно по воздуху, и я от такой неожиданной версии даже во сне вспыхнула удивлением, ведь татарский фельдшер Неотложки не увидел ничего странного в смертельном сердечном приступе у больной термальной стадии, – Они не люди... Ими правит нечисть... Они боятся, что я всё про них расскажу и люди поверят тебе. Потому скоро меня заберут... И будут гнать от тебя, губить меня дальше... Я угасну, но всегда буду рядом... Прости, я тебя очень любила...

Тут сияющая ночь действительно погасла, будто всё вокруг выключили и я зависла на мгновение в скорби и одиноком небе. Это длилось секунду, а в следующую я уже стремительно полетела вниз на землю, как наяву днём ранее. Только не в Питере. Возникло чувство, что это годами ранее, я лечу вниз на асфальт мимо десятка окон запутанной новостройки Лесного квартала Владивостока, а сидящие неподалёку в минивэне невзрачные люди радуются этому, как победе своей команды в матче века. Они в самом деле делали ставки на мою смерть и наперебой хотели её понаблюдать.

Крайний ужас охватил в последний момент и на стыке миров я, сильно дёрнувшись во сне, проснулась. Огляделась в растерянности – ничего не разобрать. Где я нахожусь? Который час? Не то поздняя ночь, не то очень раннее утро. Множество кроватей, окна с заблаговременно снятым рычагом плотно закрыты. Напротив кашлянула лежащая старушка, ей вторила вторая и эта переключка вернула меня в реальность. Я в палате отделения нейрохирургии, где врачами было решено наблюдать мою кататравму. Потому что лечить тут было ровным счётом нечего, по утрам после падения с девятого этажа у меня даже голова не кружилась. Остальное – до свадьбы заживёт.

Дверь палаты на пять человек в самом конце коридора всё время оставалась открытой, ведь было тихо. Строго соблюдался режим. Но после тревожного пробуждения посреди ночи и за дверью послышалось возбуждение. Кто-то переговаривался, переходил из палаты в палату. Медсёстры что ли? Больничный свет вдруг обрисовал в дверном проёме худощавую, но довольно натренированную фигуру с профессиональной поступью бойца. В сердце ёкнуло, я обратно закуталась в простынь. Но в другую секунду сообразила, что это единственная не престарелая фигура в палате – та самая женщина, короткая стрижка которой роднила с киношной «солдатом Джейн». На часах было четыре часа утра. Она вернулась на кровать, преграждавшую путь ко мне от двери, и я стала вновь погружаться в вязкие мрачные мысли.

Куда она ходила? Туалет у нас в палате и перед сном, наступившим только благодаря снотворному, предложенному медсестрой, я в последний раз звонила оттуда домой, предупред-

ждая, что вероятно утром меня нужно будет встретить. Объяснения не потребовались, на фоне моего уставшего голоса звучали пьяные крики баб с фингалами из того же социального дна. Они ещё долго ругались со старшей медсестрой по поводу неких моих понтов и неожиданному переводу меня из их палаты в другую. Меня так «тепло» встретили в первой палате, которую обкуривали в два ствола, что пришлось, собрав крохи сил и воли, со скандалом искать себе другое место на отделении. К счастью, оно нашлось в последней палате, но стало ясно, что я ошиблась с выбором реабилитационного центра и придётся утром возвращаться в квартиру, где тоже было невыносимо находиться.

Вообще, страшные фингалы, целые соцветия фиолетовых гематом, я по утрам увидела и у прочих обитателей новой палаты. Это были добропорядочные бабульки, всего лишь упавшие, кто с библиотечной лестницы, кто споткнувшись из-за домашнего животного, но на меня они смотрели с удивлением и лёгкой завистью. Далекое не высота собственного роста, а у меня ни одного синяка на лице, лишь на правой щеке после умывания, осталась ссадина. Более крупные, хищные полосы с синяками не смывались с талии и ног, но были скрыты под розовой пижамой и футболкой. Разукрашенные, как для хэллоуина несчастные старушки были уже древние, глухие или слабовато соображающие, потому культурное изумление моей живучести выражала лишь третья из них, что была по-младше. Уроженка близкого мне Сахалина ласково выражала сочувствие, как это сделала бы моя родная бабушка, которой я ни о чём так и не рассказала, пощадив. А солдат Джейн была по-военному сдержана и лаконично, но как-то ей удалось меня разговорить.

Она оказалась Кировой, и осторожно, слово за слово, то про солнце, на редкость яркое и тёплое для майского утра в Питере, то про удивительную палитру людских гематом и мазей от них, мы начали беседовать. Для самой себя я этого не ожидала, представляя всегда, что не наступит для меня белого дня, когда мамы не станет. Я с горьким комом в горле неспешно, на рефлекс, привела себя в порядок, осмыслила весь вчерашний апокалипсис, глядя на часть Невского района в светяющемся окне. На часах не было и восьми утра, но пациенты с черепно-мозговыми травмами и защемлениями нервов вынужденно бодрствовали и общались.

Кира не лезла под кожу с моим болезненным нервом, задавая деликатные, но мужские вопросы. Всё больше слушала. Наверно это и расположило. А может ещё то, что у неё были очень похожие на мамины голубые глаза кошачьей формы, и твёрдый взгляд. Эти вдумчивые глаза повидали многое, но за ними ощущалась своя воля. Я не искала похожих намеренно, в моей истории не может быть замены. В первое время от всех чужих я просто отворачивалась и уходила, не хотела изливать плачущую душу посторонним, просить понимания, если были не готовы помочь. Ни в коем случае нельзя было показывать слёзы и тем более впадать в истерику, лишь бы не перевели в психиатрию. Это и без того все три дня нависало Дамокловым мечом глупого решения остаться в больнице у врагов, по вине которых выпала из окна.

– Всё равно, не могу представить, – лёжа на своей подушке и глядя на меня, низким голосом говорила соседка по больничной койки, – Прямо с балкона девятого упала? Вниз на землю и осталась жива?

Я уже утомлённо усмехнулась, опустила и тут же подняла глаза с закрытой на замок правдой. Похоже здесь мне предстояло ещё долго слышать в свой адрес восхищения или скепсис, но гордиться тут было нечем, лишь сожалеть:

– Да, прям из такого балкона. Видите...

– Можно на «ты», я ведь не вдвое старше и без галстука.

– Ну да. Так вот, – продолжила я, показывая в окне на многоэтажный дом-корабль по проспекту Солидарности, – Видишь, те дома? У нас точно такой же, типовой на Подвойского. Мы на последнем живём. А котик наш, Фунтик, всё в паркуре на балконе совершенствуется, цепляясь за шторы. Его ветром за борт выдуло на шторе. Надо было спасать. Либо я, либо он.

– Уф-ф, Боже ж мой, – явственно всё представив, с холодком на коже посочувствовала при этом довольно мужественная на вид соседка, занимавшаяся каким-то загадочным ремесленным трудом с садовыми посадками, – Да лучше бы котяра, у них же девять жизней.

– Иногда и побольше. – задумавшись на мгновение, подметила я. И Кира красноречиво промолчала, перехватив мой взгляд, будто зная обо мне гораздо больше.

– Та-а-к! Утро доброе, пациенты! – нараспев поприветствовала нас неожиданно вошедшая врач-физиолог. Девушка в сиреневом докторском халате сразу глянула на меня в дальнем углу палаты у окна, – К нам тут «женщина-кошка» поступила, которая после падения с безумной высоты не разбилась? Миленьева? Девушка, вы?

– Ага. – кивнула я, поняв по бодрому голосу молодой докторицы, что осмотры с оттенком цветного шоу сегодня продолжатся.

– Хорошо. Значит, ручки, коленки показываем, ротик открываем, – деловито взялась за меня физиолог, но быстро поняла, что делать ей здесь нечего, – Чудеса в решетях! Даже пальцы и ступни не сбиты, рефлексy работают, цвет языка и кожи нормальный. Эти царапинки и синяки быстро заживут, как на кошке, мазью гепариновой помажьте. Больше не падайте, выздоравливайте!

На этих словах молодая врачиха жизнерадостно отчалила из палаты с чудом и жуткими бабушками и на её место пришёл столь же молодой доктор Контия, Гамлет Шотаевич. Я скептически охарактеризовала его, как интерна, вроде Глеба Романенко, шёпотом сплетничая с Кирой, но была довольна его поверхностностью. Разукрашенные гематомами старушки, как брошенные дети, потянулись к нему за помощью с вопросами о капельнице и лекарствах, которыми их вторую неделю на отделении никто особо не балует. Ловко отмахнувшись от надоедливой старости, жгучий брюнет поспешил в молодую часть палаты к новенькой. Надо же было принять и справиться о состоянии. Ничего личного. Быстро глянув на меня, словно ошпарившись, краем уха Гамлет выслушал неправдоподобную преамбулу, велел посетить окулиста этажом ниже и скрылся с глаз решать вечный для русских врачей вопрос: «быть или не быть». В итоге, принц датский предпочёл второе сразу для всех...

Бабульки только руками вслед махнули, разочарованно качая головами и солидарно друг другу поддакивая. До последнего мне было непонятно, как они сдружились, если одна из них была глубоко глухая. Однако часами толковали сидя на одной кровати, читая по губам, и перемальвая всю свою жизнь, которую Кира могла с приколами процитировать наизусть.

– Вот ведь, Кирочка, и на платном отделении так было, и на бесплатном! Что за жизнь у нас такая проклятая?! – негодовала глухая старушка, похожая на мультяшную сову с синяками, словно нарисованными вокруг серых глаз махаонами.

– Не говорите, Нин Васильевна, – напрасно повышая голос, чуть саркастично поддержала Кира, – Сталина на них нет.

В кабинете у окулиста, заполошной артистичной дамы в годах и роговых очках почему-то царил тёплый-ламповый полумрак. Тем не менее все разнокалиберные буквы, начинающиеся на неприличные теперь «Ш и Б» я различила, успешно повела глазами за её пальцами и легко скосила их. Вчерашний шоковый эффект перекошенного черепа и зрительного нерва бесследно рассеялся. Я видела, как и прежде хорошо. Пока брела в поисках нужного кабинета по длинному отделению нейрохирургии, состоявшему из двух частей соединённых коридором с кабинетом заведующего, подметила его оригинальное имя на табличке «Филипп Филиппович Алексеев» и вереницу ещё более ужасных людей с покалеченными головами, будто с фронта. Один из страдальцев, самый страшный, буро-багровое вздутое лицо которого, словно в маслобойню попало, надел на себя идеально гармонирующую футболку с принтом монстра-вервольфа и, как кукушка из часов, выныривал из своей палаты всякий раз, когда я проходила. Я всё больше поражалась своей непривычной безразличности – хоть убей, не пугалась и не чувствовала себя в квесте с кошмарами.

– Вот это да! Фантастика! – аккуратно держа в профессиональных руках моё лицо и оттягивая вниз нижнее веко, восхитилась глазная докторица с блестящим диском на лбу, – Зрение на месте! И глазки на месте! Не выбило!

– Чем?! – немного оторопела я, отвлѣкшись от своих мыслей.

– Так ветками или камнями. Терапевт тут всех нас шокировал вашей историей про девятый этаж и спасительные кустарники. Обалдеть! Всё на месте! В рубашке, у Христа за пазухой родилась...

– Нет, в прошлом году я на ровном месте разбилась так что... Это мама, мой ангел... Ладно, спасибо, если всё, я пойду.

– А, да, конечно. Отдыхайте, поправляйтесь!

Я медленно пошла обратно на наше извилистое отделение, задерживаясь у окон с тягучими мрачными мыслями. Надо же, они снимали с десятков окон всего пятого этажа рычаги, чтобы невозможно было их открыть нараспашку! Будто бы уже кто-то безнадѣжный в расстроенных чувствах здесь выбрасывался. Возникло сомнение и прежнее чувство незримого патронажа. Запоздало как-то. Я не хотела к бабкам в палату, никаких праздных разговоров. Всё стояла у окна и неотрывно смотрела на вертолѣтную площадку на заднем дворе большой районной больницы в нашей второй части нейрохирургии. Только вертолѣта не было. Солнце, но окно наглухо закрыто. Стою живая, но абсолютно мертва в душе теперь...

– Милентьева?! – вдруг весело, но с подозрением прозвучало за спиной и я вздрогнула. Это сверкал зелёными глазами ещё один краснобай и баламут из личного состава – рослый и круглолицый психотерапевт Максимов, который, глядя с настороженным вопросом, одной рукой взял мою дамскую сумку с ветровкой, а второй проверил запертость окна, – Далеко собрались? Со вчерашнего дня я ещё вас не осматривал, полегчало?

– Уходить пока не собираюсь... Я окулиста посещала, потом до завтрака прогуляться во дворе хотела. Из нейрохирургии «побеги» вроде не криминальны или уже к себе, не дай Бог, забираете?

– Оу, – скорчил комичную рожицу Максимов, чем-то похожий с Хохмачёвым, – Всё может быть, но вы не бегите впереди паровоза, окей? Успокойтесь, ступайте к себе и подкрепитесь, я после обеда зайду, там видно будет. Как говорится, ты не ты, когда голоден.

Он бодренько усмехнулся мне вслед, убеждая, что в психиатрии всё начинается, как полагал Зигмунд Фрейд, с самих исследователей, и я скрылась в распахнутой палате. В ней было душно от щедрого солнца и особого режима безопасности. Пахло приближающейся едой. Не слишком заманчивой, но хоть чем-то в лучшую сторону отличающимся от хлорки и мазей. Кира тоже откуда-то вернулась в тот же момент. Чуть позже я даже привыкла к этой традиции негласного сопровождения. Тут мне позвонил отец, которому пришлось выходить на работу. Там же была моя сестра – пятница всё-таки. Навестить могли лишь вечером. А в субботу они с первыми лучами солнца собирались меня выволить в случае чего или встретить с фруктами и цветами. И кто-то ещё... Я с кромсающей сердце обидой подумала о прошлогоднем Крыме, перед глазами всплыл новенький Керченский мост и он, бегущий на месте ко мне в чёрной рубашке. Он знал, благодаря мировой сети и его профильному мастерству, что я умру, но не приехал. Точно знал, но ничего не сделал – служба и торжество важнее. И табу на приближение в силе. Что ж, это окончательный выбор.

Вдруг в телефоне с интернетом пикинуло уведомление о письме на почте. Я глазам своим не поверила. Это был вопрос журналиста Дермакова из местной интернет-газеты, давно неравнодушной к моей судьбе. Вопрос был о моём местонахождении, и я сдуру чистосердечно ответила на него, попрощавшись и извинившись, что выжила и вчера побеспокоила ажурных расследователей перед прыжком. Глупость на глупости. Мои фирменные танцы на граблях...

– Кто там написывает? Ты прям побледнела. – любопытствовала Кира, принимая необходимые средства перед едой для диабетчиков.

– Никто, я всегда такая. – с не проходящим вакуумом равнодушия ответила я и хотела отвернуться, чтобы уткнуться в подушку, но одна из бабушек попросила меня, как самую молодую и глазастую, почитать состав накопленных мазей или погуглить порядок их применения. Хорошее воспитание заставило приступить к замещению функций их лечащего врача, а Кира почему-то начала размышлять вслух о чуде экстрасенсорики у некоторых, лечащих чудодейственным массажем безо всяких мазей. Верю ли я в это явление? Как отвечать, когда я много лет лечила маму именно таким способом, изредка помогая и другим, но спасти самую дорогую жизнь не смогла.

– А то у меня спина болит, – пояснила соседка, – Межпозвонковая грыжа, страдаю уже много лет. Врачи меняются, операции – временный эффект. Может, думаю, альтернативные методы помогут...

– У львов по зодиаку спина часто беспокоит, – рефлекторно отметила я вслух, как самой себе, вспоминая мамины проблемы, а потом, поколебавшись, всё равно замкнулась, – Не знаю, тут мануальщик крутой нужен или восточная медицина, иглоукалывание, йога. Конечно, раньше я мистикой увлекалась, в магию, волшебство верила. Повзрослела уже...

Соседка разочарованно отвела глаза, затем встала и задумчиво промаршировала к закрытому окну, которое, о чудо, приоткрыла на 5—10 сантиметров сверху доверенным только ей единым съёмным рычагом на все окна, что обычно хранился у медсестры, как жизнь кощера в яйце и сундуке.

– А! Кстати, я ведь до сих пор по руке гадаю. Ну там, бугор Луны и линия защиты, – вспомнила я, чтобы разрядить неприятное разочарование во мне и просто больше узнать о той, кто передо мной, – Позолотите?!

– С буграми и защитой у меня всё норм, – достаточно категорично отказалась загадочная собеседница, – Это лишнее, золотить не будем...

– Инга Милентьева, здесь находится? – резкими угрожающими голосами оборвали нас внезапно нагрянувшие господа в гражданском. Я, потеряв дар речи, но оставшись сидеть на своей кровати, кивнула и двое крепких молодых мужчин в тёмной спортивной одежде и джинсах, глядя безошибочно на меня, грозно и вызывающе проследовали в нашу палату. Дальше стало понятно, почему Кира не хочет доверять мне узоры своих рук. Она уверенно шагнула им наперерез, грубо интересуясь их личностями.

– Мы из Следственного Комитета. Получить разъяснения по поводу вчерашнего.

Я в те дни была, как паштет, не сообразила потребовать удостоверения, как делала это уже позже. Вид у них был внушительный, чётко-вежливое обращение ко мне, в руках бланк листа для допроса, в глазах обвинение, и Кире пришлось пропустить их. Она осталась пристально наблюдать у себя на кровати, бабки на тот момент будто в пятнистую мебель превратились. Никто из врачей и многочисленных медсестёр и медбратьев не зашли в открытую палату следом. Я моментально вспомнило то, что было вытерто из памяти с помощью снотворного – звонок участкового мне ещё дома при фельдшерах Скорой помощи, потом вечером в палате ещё звонил кто-то из отделения Невского УМВД и обещал с утра разобраться. Но начать решили с тяжёлой артиллерии.

Наверно я муравьёв под собой загубила, падая в траву? Или открыла запрещённый законом челлендж, вроде колумбайна? Помню одно, в записке для ажурной редакции просила принять к расследованию факт опосредованного доведения до самоубийства. Ещё видео, где немного вид из окна и текстовые эмоции с обвинениями в адрес чинов-покровителей секты Сергеевых – всё, что я успела удалить вместе с аккаунтом в соцсети десять минут назад, перед с ответом Дермакову.

Мысли бешено бились о треснувшую оболочку – сейчас мне придётся отвечать за несостоявшуюся смерть, к которой меня подвели, вместо того, чтобы начать проверку в сектантской

среде Питера с адресами и лицами, а также покровительствующими им спецслужбами, как это непременно случается в Европе или США после резонансного привлечения внимания прессы!

– Вы точно из самого Следственного Комитета? – спросила я, собравшись, – Именно так? Вчера просто из участка обещали зайти и бросили это дело в связи с несчастным случаем из-за открытого окна...

– Да, мы из комитета. Какой ещё несчастный случай, гражданка Милентьева?! Акции свои в сети, как объясните? Не отпирайтесь, на видео именно вы и ваш айпи-адрес определяется!

– Я, и что, – хмыкнула я, не зная на кого из двух смотреть, «офицеры» окружили мою кровать и решили, как обычно, применять перекрёстный допрос для запугивания, – Ничего запрещённого я там не сделала, никого не призывала повторять. И всё уже удалено...

– Ерунда, на сервере осталось. Сейчас будем оформлять. – заблокировал светлый, почти безликий и более затравленный из двоих, которого мой встроенный природой «рентген» художника-портретиста определил, как парня из неблагополучной среды, перевоспитанного по спартанским методикам одного известного городу сообщества.

Страх, как рукой сняло. Эта отгадка возмутила до глубины души, ведь я и его шефов обвиняла в нашей с мамой гибели. Их люди прикрывали безнаказанную расправу надо мной и развал дела год назад, а потом такая же серая бесчеловечная физиономия, представившаяся инспектором Следственного Комитета России Сергеевым, нагло завернула меня в Москве с заявлением. Этот последний облом был ровно за два месяца до скоростной смерти мамы в доме ветеранов внешней разведки, что дырявился насквозь и сотрясался от бойни перфораторами дальше.

– Круто получается! – невесело улыбнулась я, рассуждая вслух, – Выходит, когда человек, на которого было совершено заказное нападение обращается лично к вам в главк за защитой, вы не реагируете. Напомнить? Я все структуры обошла и в Администрации Президента была! Настоящее преступление в публичном месте, видео избияния меня с угрозой убийства было залито в интернет. Следкомом отказано, а тут нет вообще состава... Как так! Вас кто прислал?!

– Успокойтесь! Никто пока вас не обвиняет. – переменялся более нейтральный брюнет и жестом оставив безликого, вывел меня, пока я не договорилась до лишнего, из палаты в больничный коридор, – Это формальность, по сигналу Скорой и полиции должны были проверить обстоятельства. Тут ещё ваша подростковая дурь в интернете. Вот бланк, пиши здесь и здесь, коротко свои показания. Как там с окном, с котом дело было... Здесь подписывай, потом разберёмся. Больше так не делай! Поправляйся!

Словно обухом пришибленная я вернулась в палату через десять минут. Весёлая сестра-хозяйка, полная, с румянцем и белыми кудряшками, уже раздала бутерброды с сыром и чай. Я присела на край кровати и устремила взгляд в небесную даль, пережёвывая привычное горько-гнилое чувство предательства, когда тебя снова сдают с потрохами, когда виновные судят жертв. Кусок в горло не лез. Боже, зачем же я осталась?

Как же я была благодарна Кире, которая мудро не приставала с расспросами, хотя хмурое удивление так и отразилось на лице. И недоверие, конечно. Чужим, всем кроме безразличных оглушённых старух, было и со стороны теперь ясно, что правды я не сказала, но трагичный надлом, измотанность и отчаяние отпечатались на лице и через мою наносную маску. Людям таких ситуаций, как правило не понять, пока сами в них не окажутся. Когда преступная долбёжка и правовая анархия подводит к черте, толкает из бессмысленной жизни в обрыв, ты принимаешь смерть, как спасение, но слышишь за спиной ликование фактических убийц. Они ставили именно на такой исход, ни один год добивались, как маньяки, решившие сэкономить на патронах или обмануть Бога, не пачкать карму. Тогда хочется, чтобы за целенаправленное умерщвление маньяки ответили, чтобы осталась после жертвы правда, не перекрытая их лжи-

вым оправданием. Но в моём избранном способе, не затрагивающим интересы и безопасность посторонних людей, предвиденным загодя, никто не рассчитывал на воскрешение.

– Ты всё-таки поешь, слишком худая... – отвлекла меня Кира, все три дня щедро подкармливавшая меня своими сытными вкусами и я также старалась делиться в ответ.

– Да, надо бы, может последняя трапеза и к обеду меня загребут.

– Не шути так.

– Надо бы продумать ходы отступления. – продолжала иронизировать я.

– И не пытайся, выход там же, где и вход, – притворяясь, пригрозила моя соседка, – И охрана бдительная.

– В седьмой палате? – неожиданно в лоб спросила я, имея в виду примыкающую к ординаторской палату с кучей мужиков, не показывавшихся, пивших пивко, галдевших за просмотром ноутбука и за полночь. Кира с наносным безразличием пожала плечами, поедая бутер и кашу. Суровые продуманные глаза эти и ладони так многое скрывали, что я рефлекторно вспомнила её тревожную прогулку в четыре часа утра. Интуитивно мне показалось, что это из-за моей мамы, оставленной в ледяном опасном одиночестве той же районной больницы где-то неподалёку. Из-за нездоровой обстановки в местном морге. Впрочем, в буквальном смысле она там всегда была такой, но заикленный Том-гном... Слёзы подступили и я, сделав глоток чая, и захотела вдруг поделиться:

– Моя мама, Маргарита, такая была красивая! Останется такой всегда. Я же художник. с детства рисовала её, а в восемнадцать написала большой портрет маслом. Можно я покажу тебе, Кира?

– Хм, конечно, что за вопросы... – с искренней и простой человеческой поддержкой отреагировала она, отстранив кружку с чаем. Я выудила из сумки смартфон, который безлика часть «следственного комитета» на первых порах пригрозила изъять в качестве вещдока. Быстренько выискала фотопапки со своим творчеством и лучшими фотографиями мамы. С трудом верилось в такую уникальную силу воли и духа, чтобы за год до смерти уже на крайней стадии болезни и затравленности выглядеть так красиво. Кира сдержанно восхитилась:

– Такая молодая! И да... Красивая. Ну вообще, вы похожи.

– Спасибо... Но нет, мама намного красивее. Была... Я тёмненькая, а мама всегда была, как ангел... Ты знаешь, – искусственно усмехнувшись, чтобы запереть на затвор нахлынувшие слёзы, вспомнила я с улыбкой, – Она перед первыми родами каким-то чудом сбежала из родильного отделения вот такой же больницы, как из запутанного квеста, чтобы не лежать в коридоре вместе с уголовницей, прикованной к ментовке-охраннице. Это у нас семейный эпик просто, хочешь расскажу?

История даже по одному анонсу с пикантными деталями так захватила мою соседку, специализировавшуюся на рассаде, что она с любопытством подняла брови и переменилась в лице.

– Конечно, рассказывай... – с неподдельным интересом и ухмылкой, откликнулась она, глянув на глухих бабулек и вернув мне телефон с фотографиями.

Я довольная набрала побольше воздуха в лёгкие, словно корабль полные паруса, как в смартфоне пикинуло электронное письмо. Неужели уже повестка? Извинившись, замолкла и посмотрела с волнением на сенсорную гладь, раскрасившуюся тонким японским рисунком с иероглифами. Под старинным рисунком была письменная просьба от некоего Ивана Хабарова, заинтересованного моим творчеством, воспроизвести этот рисунок в исходном стиле. Заинтригованная я подняла удивлённые глаза на молчащую в ожидании Киру.

1 марта 1987 года

Девять месяцев уже минули и Марго почти насильно повезли на сохранение в роддом. Незаметно. За вечным авралом даже в кабинетах владивостокского порта, куда молоденького, но пробивного технолога Рыбморпорта МиленТЬеву перевели на седьмом месяце беременности. До беременности тоже числилась «белой костью» благодаря образованию, но известная «бабовщина» тёток-начальниц к молодой и красивой превращали в рысака, ведущего самые сложные и дальние корабли. В порту это, как в театре, называлось «судовая роль».

Только с округлившимся на предпоследнем месяце животиком и кольцом на безымянном пальце приме вслед не свистел вечно голодный косяк докеров и стивидоров, называя «Королева Марго» или «белокурой прелестью». Пробриться благодаря стальному характеру, закончив школу в захолустном Артёме, из тонких-звонких тальманов на побегушках в офисный состав закрытого владивостокского порта было весьма непросто. Ещё сложнее убедить завистниц в том, что всё без интима и блата, как у других. Невозможно уйти с любимой работы у синего просторного моря в отпуск. И совсем ужас, в декрет на целый год!

Массированные атаки взяли крепость по имени Марго. Молодая несмышлёная мамочка, до восьмого месяца бегавшая по причалам и рискованно проползая ради экономии времени под подвижными составами поездов, сдалась. Повезли в городскую больницу на сохранение. Роды были на носу, как вдруг обнаружилось отклонение в весе. Строгие фельдшера Скорой всю дорогу промывали мозг нудными нотациями про двойную ответственность материнства, про необходимость при малейшем отклонении от норм веса или развития плода ложиться на сохранение.

Скукотища. Дома с мужем Вадиком было так хорошо. Но он, «предатель», тоже настоял и уже привёз весь больничный набор вещей с зубной щёткой. Даже с работы по такому случаю молодого мужа отпустили в роддом, потому что перед этим, неизвестно откуда узнав про строптивость беременной Марго, ему вынесли мозг всевозможные политуки и доброхоты. Такая нацполитика по части демографии в стране была!

Рита усмехнулась всему предварительному дурдому с агитацией и госпитализацией, едва сдержав за зубами прежнюю нецензурщину – они с Вадиком договорились отвыкать от матов и грубостей, чтобы дети росли в раю. Мысленно она похвалила себя за то, что ни к излюбленной сигаретке, ни к тоннам шоколада не тянет благодаря умным гормонам, и крепко поцеловала муженька на прощание. Он, кудрявый и пушистый, как плюшевый мишка, тоже долго не хотел выпускать из рук оставшуюся почти такой же стройной и прекрасной Маргаритку. Так южный папа любил её называть.

– Хочешь цветов завтра грузовик привезу? – шепнул в ушко он и она громко, словно дразня прохожих, рассмеялась.

– Как рожу – привози. А вообще, – вдруг коварно прищурила Марго кошачьи глаза с отражающейся лазурью мартовского неба, – Подвози уже к вечеру, как стемнеет, я запрыгну в него и сбегу из этих серых казематов. Только пусть будут пушистые розы, много-много, чтобы я не разбилась...

Главный городской роддом в самом деле оказался безнадёжной тюрьмой для непослушных рожениц. Он был невысоким, но многокорпусным и таким запутанным, таким популярным, что места в палате для Марго не оказалось. После ухода мужа, строго запретившего даже продумывать экстремальные побег, сердобольная опека врачей закончилась. Скупое указали на кушетку в суматошном длинном коридоре роддома и, не собираясь объяснять странные условия своего хвалёного сохранения, разбежались. Когда-то боевая и громогласная Ритка и без того размякла дома на последнем месяце. А сейчас, ощутив себя брошенным обманутым ребёнком, потерянно присела на жуткую койку и приготовилась реветь. Первая реакция на типичную и неизбежную жестокость врачей. Для чего только было сладко петь и агитировать лечь на последние неделю под досмотр?

Отгадка осенила и ошпарила своей дикостью. Через минут пять в густо населённый роддом, отделение особого сохранения, в тюремном автозаке привезли подследственную и положили прямо напротив Марго через проход. Ей вот-вот должны были вынести приговор по обвинению в убийстве, потому к вовремя залетевшей мамаше рука к руке была приставлена не менее суровая тюремная охранница с ПМ в кобуре. Обе мрачные крепкие женщины напряжённо молчали, изредка зырякая исподлобья на раздумывающуюся от волнения и гнева Риту, едва выдерживая пристёгнутое общество друг друга. Вот тебе и сохранение, ответственность за будущую жизнь, государственная любовь в извращённой форме!

«Это же, кому так нужно, чтобы мой первенец не родился живой?» – подумалось потрясённой Маргарите. Кто придумал этот спектакль с назойливой госпитализацией в казематы с настоящим зверьём, что этой же ночью ситуацией обязательно воспользуется и будет сразу несколько смертей.

Так всё, решила отважная Марго, нужно во что бы то ни стало опередить зечку с идеей побега, который зараза, по волчьим глазам видно, вынашивает вместо ребёнка.

И Марго, набив полные карманы просторного халата важными вещами из оставленного на кровати пакета, отправилась на осторожное и будто бы отвлечённое обследование всего роддома на предмет открытого чёрного хода. Чтобы тупо сбежать домой, унести ноги и дитё под сердцем, пока жива. На проходной суровый, как цербер, охранник вот так, в халате и тапках, даже в ларёк не выпустил. Медсёстры и врачи в ординаторской претензии по поводу палаты и уголовщины слушать не стали, отмахнулись и разбежались по родильным залам. Город, словно весь разом разродился, как только одной спасаться приспичило. Больница гостовская, отделение бесплатное, Биарриц никто не заказывал и не оплачивал. Закрой рот и иди в свой коридор спать под нескончаемые крики и немые молитвы Пресвятой Богородице.

Но эта девочка, уже вынашивавшая свою крошечную девочку, умела выживать вопреки и отстаивать свои требования. Пошла лисой по коридору с бегающим взад-вперёд медперсоналом. Долго гуляя с четвёртого по цокольный этаж, Марго с радостью обнаружила тайный ход.

И дверь на улицу была не заперта. Ура! Теперь обувь и дублёнка – всё это забрал Вадик, сговорившись с двуличными врачами, поскольку капризная жена отказывалась оставаться в чуждых условиях до самых родов. Ещё началось давление на работе с угрозами крупно оштрафовать, испортить личное дело, из роддома не выпускать. Нужно было уже тогда догадаться, что так патологически за мирские дела берутся лишь специалисты, которые привели свою подследственную в кандалах, как средство катализатора родов. Или ещё чего хуже. Словом, верить и медлить было нельзя.

Отношение к свободной порядочной роженице, будто по команде, действительно переменялось на лагерное. Маргарите стали приказывать, покрикивать, чтобы не мешалась на пути по лестнице или по коридорам. Все, как одна, медсёстры отказались занять две копейки для звонка мужу с больничного таксофона, что был обнаружен в холле роддома. Мобильных, как на зло, тогда и в помине не было. И кошелёк Вадик унёс вместе с сумкой, в которой всё время эти несчастные копейки болтались.

Огорчёнными глазами она посмотрела на сторожа, отойдя от недоступного телефона и подлец, не боясь суеверно отказать беременной в лицо, сказал, что ни копейки нет. Позорище сплошное. Ни минуты невозможно было в таком логове оставаться.

Досада и презрения вызвали почти спортивную злость и она, обвиняя в своих мыслях всех, ни секунды не колеблясь, поднялась обратно на свой этаж. Уголовница фальшиво посапывала, конвоир бдила рядом на стуле. И Марго прошла неспешно мимо них, улучив уже знакомый момент, когда врачаха ординаторской после тревожного звонка торопилась в какой-нибудь родзал. Шмыгнула в большой, но опустевший на пару минут кабинет с драгоценностью – бесплатным телефоном. Шесть рывков по диску трясущимися пальчиками и встревоженный голос молодого мужа.

– Скорее, скорее, Вадик! Приезжай за мной! Бери такси и ко мне с дублёнкой и обувью. Забери меня отсюда, меня в коридоре с убийцей через проход положили рожать! – девушка, уже пунцовая от своих метаний, заторопилась, услышав, что на её крик души уже бегут по коридору вовсе не защитники, – Прямо сейчас выезжай, я жду тебя на заднем дворе...

Только и успела яростно шепнуть она в трубку, как злобные медсестра с санитаркой вбежали и вырвали телефон из рук. Завязалась неравная перепалка, пытались стыдить и обвинять. Марго, не терялась, в ответ. Всё же, не под следствием, не в тюрьме находилась. В итоге её грубо вытолкали в коридор, уже совершенно не заботясь о состоянии плода. И на том спасибо. Было чувство, что могут и рядом с зечкой приковать или в карцере запереть. Злость и пренебрежение медперсонала уже зашкаливало.

Но временной сохранностью нужно было дорожить. И, не теряя, ни минуты времени, она осторожно засемила в тапках и халате вниз к цоколю, к незапертому эвакуационному выходу. Надо же было, наконец, найти ему применение. Эвакуация не заставила себя ждать и всё было сработано так чётко и блестяще, будто по выверенному плану. Супруги-сообщники мыслили одним телепортом. Марго только выбежала на ещё морозный воздух марта, взволнованно покрутив головой, как услышала визг автомобиля и приглушённый мотор. Из показавшейся за забором такси выскочил Вадик с зимними вещами в руках и осуждением на вспотевшем лице. Рита и смеялась, и обругивала весь подлый роддом одновременно, спеша через дворик навстречу мужу. Он с силой дёрнул калитку, зафиксированную проволокой, и освобождённая жена кинулась в его надёжные руки, которые укутали в меха. Прыгнули обратно в машину к ничего не понимающему таксисту и велели – полный вперёд. Не грузовик с розами, конечно, зато верное спасение, со своей романтикой и огоньком.

– Ребят, я, конечно, не знаю, от кого вы так когти рвёте и что там натворили, – деликатно заметил смеющийся водитель, глянув со своего сиденья на проступающее через халат положение Марго, – Но мне думается, что вы документы там оставили, знать возвращаться придётся. Примета такая!

Все дружным смехом оценили сарказм и атмосфера для ослабших нервишек беглянки сгладилась. Она, глубоко выдохнула и тесно прижалась к мужу, оставляя позади ночной кошмар. Только через неделю предсказание таксиста в точности сбылось. Привезли туда же, сразу рожать, но обращение с будущей жизнью было уже человеческое.

Глава 4. Разлука

22 мая 2018 года

Наступила первая после «второго рождения» суббота. Всё в той же районной больнице, всё с тем же безграничным желанием не вставать. В этот день семью мне пришлось ждать невероятно долго из-за горьких объяснений по телефону с другими звонившими родственниками, суетными сборами всего необходимого, вкуснее и веселее. Впрочем, ожидание искренне меня не раздражало, несмотря на то что необычная прогулка под «незаметным» присмотром психологов и ещё кучи маргинальных соглядатаев продлилась около двух часов.

Спустившись кое-как на переполненном по понятным причинам лифте Александровской больницы, я, наконец, преодолела многолюдный холл и заглянула в местный магазинчик с графским названием. Несвежая выпечка, не портящиеся снеки и пиво – джентльменский набор лазарета под звучавший неслучайно шансон о некой «крошке, умевшей летать». Минералка и лекарства щекотали нервы наценкой за пределами графских развалин. Любитель специфической музыки я увидела в большом ассортименте, вынырнув из цитадели хвори под щедрое солнце и утреннюю свежесть. Вид эти мужички имели отнюдь не болезненный, а вполне азартный, можно сказать, деловой: спортивная одежда и пружинистая походка вразвалочку, солнцезащитные очки, через которые чувствуется цепкий взгляд, напряжённые разговоры по мобильникам и вялотекущие отгрузочные работы при входе. Мышь не проскочит.

А «женщина-кошка» по обыкновению предпочла уединение. Это было весьма непросто. Все скамейки перед фасадом и приличные местечки на заднем дворе были плотно оккупированы, по всем дорожкам вокруг брели прочие пациенты с близкими. Скрыться от лишних глаз было негде. Разумеется, я не Бритни Спирс и не пуп земли, люди тут были со всего района и со своими проблемами. Но мне больше всего на свете хотелось спрятаться от глаз, найдя своё место под солнцем, в буквальном смысле. В третий раз выслушав от отца железное обещание быть скоро, я вздохнула и резко поменяв направление, удачно отделалась от хвоста в виде прилипшей врачихи с мобильником, чей рабочий халат был наспех скрыт под плащом. Без цели осталась ещё пара халтурящих топтунов с потрёпанным видом. Я прошла в балетках прямо по газону с распутившимися одуванчиками и розовыми гиацинтами.

Там за пышными кустами отыскалась чудесная полянка, нагретая солнцем, с полным отсутствием посторонних. Полянка интроверта. Где я вдруг подалась порыву сплести из сорванных цветов венок для волос. Перед глазами стоял мамин самый любимый портрет, где её запечатлел случайный фотограф на студенческом пикнике. Самое удивительное, что я его никогда не видела, фото с породистым юным лицом естественной красоты, обрамлённое светлыми волосами и пышным венком из лесных цветов, оказалось таким крутым по тем временам, что стало яблоком раздора. Снимок вышел, словно кадр из культового фильма о лесной красотке, но так и не был отбит мамой у однокурсниц, знакомых с тем фотографом, который после выставил портрет девушки в венке в качестве портфолио своего ателье.

У меня получилось с упоением, но не так роскошно. Короткие розовые цветочки вываливались из тройного колоска одуванчиков, но самое важное – мне стало тепло и легко на сердце, как никогда. Я примерила венки, но быстро сняла, чтобы не видел никто. Мне казалось в тот момент, что не солнце светит, согревая, а мамыны глаза любуются с неба. Я чувствовала её незримо вокруг. Припомнились фрагменты сна, в которых мама, как и при жизни, говорила, что сейчас будет лучше, она не будет доставлять нам хлопот, а станет самым сильным любящим ангелом-хранителем.

Я развеяла чувство безбрежной тоски и несправедливости. Мне хотелось к маме, несмотря ни на что, как потерявшемуся ребёнку. Шла по наитию и плакала под чёрными

очками. Обойдя кусты, с веночком в руках вышла на дорогу, по которой автомобили объезжали больничные корпуса непосредственно на территории. Что-то подспудное потянуло дальше, к низким строениям, показавшимися заброшенными. Сначала, мне показалось, что это желание выплакаться именно здесь обусловлено отдалённостью, прохожие здесь почти не ходили. Спиной к многолюдной больнице, глядя в эти безответные кирпичные стены, я вдруг ощутила де-жа-вю из детства, когда хочется рыдать от безнадёги, что потерялась в толпе людей на рынке или в парке. От внезапной слабости я присела на низкую плетень рядом, где чуть скрылась под молодыми деревцами и начала ронять слёзы безостановочно. Молча. Казалось, всё сдерживаемое вторые сутки выплеснулось, но дна в этом горном озере было не видно. Кто-то проезжал на машинах мимо периодически, но драма была скрыта под очками. Остановил только звонок близких – они наконец-то прибыли по месту назначения с фруктами и пирожными.

– Привет! – издали ещё махнул взволнованный отец, выдавливая из себя улыбку и приободрения для меня. Сестра, как всегда, была сдержана, но больше всего говорила о том, что у неё на работе в способность остаться живой и невредимой после падения с девятого этажа просто не могут поверить, но замечают, что всё произошло в большой православный праздник Вознесения Господня.

– Здравствуй, девочка моя, – ещё раз сказал мне папа, обнимая, – А чего ты здесь сидишь? Здесь же... – он запнулся, борясь с немужскими эмоциями, и снова посмотрел на меня с удивлением и горечью главной утраты в глазах, – Здесь же мама находится пока, до похорон. Вон там, в этих кирпичных флигелях у них, ну, сами понимаете, какое отделение. Я вчера сюда утром бегал за справками. И сюда одежду ритуальную мамину приносил...

– Я не знала... – подавленно прошептала я и, когда меня стало накрывать второй волной, отец, крепче приобняв, поднял и повёл прогуляться к вертолётной площадке, в противоположную часть окрестностей. Как можно дальше, чтобы не возвращались смертельные мысли, но теперь у меня в голове постоянно стояла эти убогие строения с арочным приглашением внутрь. Мы медленно пошли, полились заготовленные беседы для отвлечения, а вслед нам с просторного крыльца смотрела пронизательным взглядом Кира. Она откуда-то тоже знала, что там, за парковым озером по другую сторону дороги – мир усопших, который действительно после захода солнца настойчиво беспокоили посторонние, обрядившись некой службой особой экспертизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.